

Николай НИКОЛАЕВСКИЙ

Я ВИДЕЛ КРАЙ ДОЖДЯ

* * *

*Поэт рождён для крупной драки,
Фатальной драки на миру.
Враги, житейские овраги...
Он верх одержит поутру.
Поэт, он не меняет флаги.
Смеётся там, где всем смешно.
И плачет там, где мало плачут.
И хорошо, что слёз не прячет,
Когда другому всё равно.
И каждой малостью он жив.
Не мелочь: маленькое солнце,
Как снег идёт, как лист кружит,
Как свежесть льётся из колодца.
Он может быть звездой, и роцей,
И счастьем может, и бедой,
Тревожно, точно ненарочно
Рассветным светом разлитой.
Поэт рождён для крупной драки
Среди людей, народов, вер,
Но – отчуждения барьер!
И вечный бой. Не на бумаге.*

МОНОЛОГ ЛЁТЧИКА, БОМБИВШЕГО ХИРОСИМУ

*Я выжил из ума.
Спуститься ниже?
Моя душа – тюрьма.
Я болью сердце выжег.
Все умерли – я выжил.
Я выжил из ума.*

* * *

Памяти поэта Игоря Киселёва

*Перед мраком Вселенной немея,
Но не пряча взыскующий взгляд,
С недопетой судьбою свою
Неразрывные люди стоят.
Срок – всему. Станешь гордою птицей.
Где жильё – там гнездо, где жильё...
Как не хочет со смертью мириться
Бесконечное сердце твоё!*

* * *

*Нам не уйти от линии прямой,
И это совершенство, боже мой?
И в этом идеал, о боже правый?
Зачем зигзагом водит нас лукавый?
Нас бьёт о стены горькой головой.
В глазах круги, расстрёпан гребень славы.
Не знаем, доберёмся ли домой.
Как Одиссей своих врагов рассея,
Блуждал между коварных островов...
И ты, мой друг, похож на Одиссея,
Запутался средь юбок и столов.
Но некто, эскалатор подавая
Иль скатертью дорожку расстеля,
Шепнёт брезгливо: «вот твоя прямая.
Хотя она, возможно, не твоя».
Законченность – с гармонией родство,
И утолённость – торжество таланта.
А где же молодое воровство,
Когда же золотая контрабанда?
...Кривая нас вывозит, но конвой
Уже готов вести нас по прямой.*

* * *

*Мне восемнадцать. Лёгкий пыл.
Ночные смены я любил.
Был воздух огненный, когда
Ложился первый груз на плечи.
Вся прямота и просторечье
Крутого, умного труда.
Бывало, сильно уставал,
Но на горячем не обжёгся.
Искал работу. Запах кокса
Приятно нервы цекотал.
Дымился кокс. Тот терпкий дух
Напомнит будни коксохима.
Смешенье красок, газа, дыма.
Он для меня, как давний друг.
Хотя из юности ушли мы,
Гори во мне, ночная смена,
Шумы со мной, братва моя.
Всё было так обыкновенно.
Но переходит неизменно
Со мной туда, куда и я.
И запах тот – как кровь по венам.*

* * *

*Совершеннолетний дождик!
Совершенно летний дождик?
Он начинает свой рассказ,
Наивный, шумный и летящий,
И музыкально всё на час –
Труба, окно, почтовый ящик.
Как этот дождик удивителен,*

Сказавший первый раз «люблю»,
А я завидующим зрителем
Молчу, под зонтиком стою.
Ищу я смысл в словах неточных.
Мне очень трудно без него.
Мой дождик, мой первоисточник,
Застенчивость и волшебство.

ВЕЧЕР

Ощущенье, как на старте.
Прокатитесь, кто за мной?
На заснеженном асфальте
По дорожке ледяной!

Вечер, снег, горит реклама,
А дорожка – первый сорт.
Оттолкнёшься, встанешь прямо
И несёт тебя, несёт.

Ближе мир, теплей дыханье,
И надежды свет большой
В этой радости случайной,
В этой малости живой.

Как сменяются мгновенно
На тропинке ледяной
Инженер, студент, военный,
Старичок и мы с тобой.

Дед Мороз оставил мету
И ушёл, укрывшись в снег.
...Поутру дорожку эту
Не заметит человек.

ВЗГЛЯД

В железной клетке зверь не страшен.
Детишки радостно галдят.
И рты разинули мамыши.
Не страшен зверь,
Но страшен взгляд
Внезапно ждущих
Жёлтых волчьих
Гипнотизирующих глаз.
Они притягивают нас,
И невозможно превозмочь их.
...Но впрочем, хмыкнув, очень скоро
Ты наваждение смахнёшь.
К мартышкам отойти смекнёшь.
Вот тут веселье, тут умора.
...Ночь опустилась, словно штора:
За всё, в чём был ты виноват,
За все невидимые раны
Хлестнёт почти что нереальный
Тот леденящий, долгий взгляд...

* * *

Художники – сильный народ.
Картины их пышут здоровьем.
Всё зримо. Аж зависть берёт.
А мы-то кричим, суесловим.

Как светится дно у реки,
Какие воздушные краски!
Слова же – как товарняки
В порожней, грохочущей тряске.

И, может быть, взяв наугад
Простую житейскую тему,
Художник, хитрющий собрат,
В иную проникнет систему.

Заглянет в надзвёздную тьму
Случайно оброненным взглядом.
Припишут потомки ему
Открытие первого ряда.

Как видим мы, чудо творя,
Как чувствуем вовсе не плоско
Пришельцев в мазке дикаря
И ядерный выплеск у Босха!

* * *

Я видел край дождя,
Хотя и густо лился.
До нас не доходя,
Он вдруг остановился.

Незримая черта...
Протягиваю руку.
До локтя залита,
А чуть повыше – сухо.

Дождь нарастал, кипел.
Весь горизонт охвачен.
Но был его предел
До срока обозначен.

В попутный ветерок
Вплетался дождь наклонно
И всё ж не пересёк
Черты неизъяснённой.

Вода под стать огню.
В глазах темно от света.
...И грустно на краю
Раздолье видеть это.

Подготовил к публикации Н. НИЧИК